

Восп. Москва. 1991. — 17 сент.

ПЕРЕПУГАННЫЕ ДУШИ

Наверное, у каждого человека случаются нечаянные встречи с кем-то из знаменитостей. Поскольку эти знаменитости излучают мудрость, то, как правило, из таких встреч извлекается какая-то мораль. Вот и на этот раз...

В августе 1951 года в первом часу ночи я возвращался из гостей. У касс станции метро «Сокольники» стоял, пошатываясь, пожилой человек невысокого роста, седой. Его лицо мне показалось знакомым. Определенно где-то я его видел. Роясь в карманах плаща, — очевидно, он шарил мелочь на билет, — приговаривал:

— Кому бы морду набить.

Однако в его облике шуплого, худощавого человека никакой агрессивности не чувствовалось. А угроза его — скорее всего ничего не говорящая присказка.

Мы оказались в одном вагоне. Догадавшись, кто этот человек, я сел рядом с ним, хотя мест свободных было много. Он все время довольно громко повторял одну и ту же фразу:

— А москвичи, черти полосатые, когда-то любили меня.

Чтобы как-то продолжить разговор, я спросил:

— Вы кто?

Вопрос, конечно, был нетактичный, но я воспользовался тем, что человек был под хмельком.

— Писатель, — спокойно ответил он.

Моя бесцеремонность его несколько не смутила. Тогда я пошел дальше:

— А, если можно, фамилия ваша?

Он, повернувшись лицом ко мне, помахал перед моим носом пальцем:

— А вот этого я вам не скажу.

Я окончательно осмелел:

— И не надо... Я и так знаю, — и громко не шепнул, а сказал ему в ухо, словно он был глухой: — Вы — Зошенко...

Он моментально вскочил со своего места. Показывая на меня рукой, на весь вагон объявил:

— Этот молодой человек — нахал, — мол, обнаглел, обзавав порядочного человека ругательным именем.

Сказал он это не зло, его глаза хитро и по-доброму улыбались. Ему было явно приятно, что его, некогда большую знаменитость, хоть один человек узнал, не побоялся не только сесть рядом с ним, но и заговорить, громко произнести его опальное имя... Пассажиры, правда, их было не так-то много, делали вид, что они ничего не видят и ничего не слышат. А ведь имя Зошенко еще совсем недавно было у всех на устах и у всех на слуху.

Наверное, у каждого времени и у каждого поколения есть свои любимые голоса. Трио Леонида Утесова, Лидии Руслановой, Владимира Хенкина, читавшего по радио, с грампластинок, с эстрады рассказы Михаила Зошенко — это для меня голос 30-х годов, голос довоенной юности. Нельзя не вспомнить последние месяцы войны. Фронт проходил под Данцигом. На передовую несколько раз приезжала радиоустановка агитировать немецких солдат за прекращение сопротивления. А концовка передачи предназначалась для нас: исполнялись две-три песни. На всю передовую, порою заглушая стрельбу, звучали голоса Леонида Утесова, Лидии Руслановой.

Меня крайне удивили и огорчили пассажиры: они никак не отреагировали на то, что ехали в одном вагоне с живым классиком советской литературы. Только потом я понял: боялись хоть взглядом, хоть улыбкой дать знать: Бог с ним, с этим постановлением ЦК ВКП(б) о ленинградских журналах, об Анне Ахматовой и Михаиле Зошенко, но любимых-то не предают.

Когда-то Зошенко сказал: писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации. Наверное, в ту пору у кого-то из читателей произведений Зошенко душа оказалась перепуганной. Видимо, это почувствовал и Михаил Михайлович: как-то сразу протрезвев, он сделался грустным.

Зошенко, узнав, что я готовлюсь стать журналистом, заговорил со мною о литературе. Подчеркнуто громко, даже с каким-то вызовом произнес небольшой монолог о величии русской литературы...

Сошел он в центре: в то время на площади Революции, в здании гостиницы «Москва», располагался аэровокзал.

Николай ФИЛИН.